© ЭO, 2005 г., № 6

А.Е. Тер-Саркисянц

1600 ЛЕТ АРМЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Мировой науке документально известно лишь несколько имен создателей алфавитов древних народов. Это епископ Ульфила (Вульфила) – автор готского (или мезоготского) алфавита (IV в.), братья Кирилл и Мефодий – изобретатели старославянского алфавита (IX в.) и Месроп Маштоц – творец армянского алфавита (405 г.).

В связи с 1600-летним юбилеем в 2005 г. создания армянской письменности я посчитала нелишним познакомить научную общественность (или напомнить ей), как происходило это знаменательное в истории армянского народа событие, сыгравшее решающую роль в сохранении его этнокультурной самобытности.

Появлению национальной письменности в Армении предшествовала довольно сложная социально-политическая обстановка. Возникшие здесь еще в недрах рабовладельческого строя, в I–II вв., раннефеодальные отношения становятся со второй половины III–IV в. господствующими. С этого времени в Армении окончательно сформировалась раннефеодальная монархия, при которой царь был уже не самодержавным монархом, а верховным сюзереном по отношению к своим вассалам — нахарарам (крупные феодалы, местные правители областей и уездов), которые наследственно владели важнейшими государственными должностями, имели в своем распоряжении вооруженные силы и стремились к полной экономической и политической самостоятельности, что приводило к усилению центробежных тенденций (Сукиасян 1963: 25–26).

В 301 г. Армения приняла христианство в качестве государственной религии, что способствовало последующему вовлечению ее в восточноримский культурный мир и дальнейшему отходу от Ирана, с которым она была тесно связана начиная с VI в. до н.э. Однако несмотря на официальное признание, процесс христианизации продолжался еще долго – в течение всего IV в. и частично V в. Очевидцы этих событий, армянские историки V в. Корюн и Фавстос Бузанд, рассказывают о том, какими трудностями сопровождалось искоренение старых верований, причем не только в народе, но и среди знати (Корюн 1962: 5; Бузанд 1953: III, 13).

Неустойчивым было и внешнее положение страны. В III—IV вв. Армения в очередной раз оказалась в центре ожесточенной борьбы за господство на Ближнем Востоке между двумя могущественными соседями — Римской империей на западе и Сасанидским Ираном на востоке. Значительный ущерб ее экономике и культуре нанесли опустошительные походы Сасанида Шапура II в 364—368 гг. В 387 г. обе державы, заранее договорившись и воспользовавшись царившими внутри Армении междоусобицами, разделили эту страну, завершив тем самым почти четырехвековое соперничество, когда за овладение ею начали бороться с І в. до н.э. Рим и Парфия. Западные области страны, составлявшие пятую часть ее территории, перешли к Риму, остальные четыре пятых — под власть Ирана. Правда, после раздела автономия Армении еще некоторое время сохранялась. В тот период в ней одновременно правили два царя из династии Аршакуни: Аршак III (378—390) в римской части и Хосров IV (387—389) — в иранской. Со стороны разделивших Армению держав это было сделано намеренно, чтобы цари противостояли друг другу и не стремились к объединению страны.

Власть армянских царей к тому времени была номинальной, поскольку фактически страной управляли представители Рима и Ирана. Да и само Армянское царство

Алла Ервандовна Тер-Саркисянц – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

после раздела, по словам Фавстоса Бузанда, "распалось, уменьшилось и потеряло свое прежнее величие" (Бузанд 1953: VI, 1). После смерти Аршака III в западной части Армении царь больше не назначался, и она вошла в состав Римской (с 395 г. Восточной Римской, или Византийской) империи в качестве ее провинции под управлением назначаемых императором наместников. Восточная часть, подчиненная Ирану, хотя и продолжала сохранять статус царства до 428 г., находилась в зависимости от персидских царей, которые проводили в отношении нее ассимиляционную политику. Их конечная цель состояла не только в политическом и экономическом подчинении Армении, но имела и более глубокий смысл, поскольку была направлена также на полную этнокультурную ассимиляцию армян путем введения персидского языка, поощрений браков между армянами и персами, а также в стремлении в противовес христианству навязать свою религию маздеизм либо, в случае неудачи, ограничить национальные права Армянской церкви, поставив ее под влияние сирийского духовенства, тем самым связав с несторианством, которому они, в противовес Византии, покровительствовали, и противопоставив христианству ортодоксального толка Греческой церкви, к которому они относились нетерпимо.

Все эти негативные обстоятельства в условиях раздела страны и по существу потери политической независимости грозили армянам утратой этнокультурной идентичности, что было равносильно угрозе самому их существованию как народа (Манандян 1941: 8). Осознав эту опасность, наиболее просвещенные деятели эпохи начали искать выход из создавшегося положения. Необходимо было найти такое средство защиты, которое способствовало бы сохранению культурной самобытности народа. Таким мощным оружием, во многом благодаря которому (наряду с христианством) армяне уцелели как один из древнейших народов мира, стало изобретение армянской письменности. Появление столь значительного культурного феномена было стимулировано и Армянской церковью, поскольку принятие Арменией христианства уже давно настоятельно требовало перевода Библии и другой христианской литературы, посвященной истолкованию основ молодой религии на армянский язык, остававшийся только устным. До этого в течение нескольких столетий (не считая урартской клинописи) в Армении пользовались сначала арамейским (во времена Ахеменидов) и греческим (в эллинистический период), а затем сирийским (видоизмененным арамейским), парфянским (пахлавик) и среднеперсидским (парсик) письмом. Создание письменности было вызвано и тем, что к тому времени сам армянский язык все более обогащался, развивалась научно-философская мысль, иноязычная армянская историография. Письменность была необходима и для преподавания в школах.

Изобретение армянской письменности связано с именем выдающегося просветителя Месропа Маштоца. Первым достоверным источником о его жизненном пути и деятельности считается труд одного из его старших учеников Корюна "Житие Маштоца", который тот написал вскоре после кончины своего учителя, примерно между 443—450 гг. Сведения о Маштоце сообщают также армянские историки V в. Лазар Парпеци (пользовавшийся наиболее ранней редакцией Корюна), Мовсес Хоренаци и другие авторы.

Согласно данным Корюна, Маштоц (Корюн не упоминает его имени) родился в с. Хацекац западноармянской области Тарон в 362 г. в семье свободного шинакана (крестьянина) Вардана. Получив хорошее для своего времени образование и прекрасно владея греческим языком, Маштоц вскоре покинул родные края и отправился в столицу Армении г. Вагаршапат, где поступил на государственную службу при царском дворе Аршакуни "в царский диван и был исполнителем царских приказов". Его должность называлась дпир (секретарь, письмовод), но в то время этот термин обозначал и более высокий пост правителя канцелярии (Абегян 1975: 50; Налбандян 1985: 13–14).

На службе он освоил также сирийский и персидский языки, на которых в то время велось делопроизводство, много читал. Он хорошо изучил внутреннее положение в стране, прошел военную службу и стал, по словам Корюна, "сведующим и искусным в мирских порядках, а знанием военного дела снискал любовь своих воинов" (Корюн 1962: 3). Но затем, отказавшись от светской карьеры, он постригся в монахи и, отдалившись от мирской жизни, начал изучать Библию и другие церковные книги.

В своей отшельнической жизни Маштоц находит себе сподвижников, которые становятся его последователями и учениками. Вскоре он вместе с ними направляется в восточноармянскую область Гохтн, где народ еще хранил языческие верования и обычаи. Местный правитель Шабит принимает его и предоставляет возможность заниматься проповеднической деятельностью. По свидетельству Корюна, Маштоц обращает в христианство все население области Гохтн. Вместе с тем тут он сталкивается с большими трудностями. В связи с отсутствием перевода на армянский язык христианской литературы богослужение велось на непонятных для народных масс языках – сирийском в восточной части Армении и греческом в западной части (Бузанд 1953: III, 13). Мовсес Хоренаци, говоря об этом периоде жизни Маштоца (он уже называет его Месропом), сообщает, что "во время своего проповедничества блаженный Месроп испытывал немало трудностей, ибо он был одновременно и чтецом, и переводчиком. Если же читал кто-либо другой, а его при этом не было, то народ ничего не понимал за отсутствием переводчика" (Хоренаци 1990: III, 47). В результате людям оказывались ближе и понятнее их старые языческие верования, чем то, что им проповедовали. Это весьма беспокоило Маштоца, так как он понимал, что христианская религия - важный фактор сохранения и развития не только общенациональной культуры, но и самого армянского этноса, разделенного на две части и подвергавшегося различным культурным и политическим влияниям, грозившим ему ассимиляцией.

Именно здесь, в Гохтне, тесно соприкасаясь с разными социальными слоями армянского общества, осознавая тревожную историческую ситуацию и ее возможные трагические последствия, у Маштоца возникает идея создания армянских письмен. С целью осуществления задуманного он возвращается в столицу, где делится своими планами с широко образованным для того времени армянским католикосом Сааком I Партевом (387–428; 432–439). Оказывается, католикос также был озабочен этой проблемой и поэтому "одобрил его мысли и выразил готовность помочь ему в той заботе" (Корюн 1962: 6). Воодушевленные идеей о насущной необходимости создания для своего народа письменности, они созывают Церковный собор, в котором участвуют известные религиозные деятели. Единодушное согласие армянского духовенства с предложением о создании национальных письмен и литературы на родном языке свидетельствует о том, что оно также стремилось освободиться от влияния Греческой и Сирийской церквей.

Получив одобрение, Месроп Маштоц и католикос Саак I оповещают о своих замыслах царя Врамшапуха (389—415) и находят в его лице горячего сторонника. Выяснилось, что царь знал о существовании более ранних армянских письмен, найденных "неожиданно" сирийским епископом Даниилом (Даниелом) и хранившихся тогда у него. По просьбе Саака и Маштоца царь посылает некоего Вагрича с царской грамотой к одному из приближенных епископа — священнику Абелу, который, в свою очередь, отправляется к Даниилу, находит у него эти письмена, знакомится с ними и затем доставляет их армянскому царю. По свидетельству Корюна, Маштоц, получив эти письмена, около двух лет обучал на их основе детей, за что был удостоен звания вардапета (учителя). Однако в ходе обучения обнаружилось, что эти письмена (они получили в арменоведении название "Данииловы"), состоявшие из 22 букв и заимствованные из другого алфавита (видимо, одного из семитских языков — сирийского или арамейского, в котором представлены только согласные звуки), не

могли быть приспособлены к нормам армянского языка, поскольку не отражали всю его богатую звуковую систему.

Это место у Корюна закономерно вызывало сомнения ученых. Действительно, зачем Маштоцу надо было преподавать целых два года, чтобы выявить явное несоответствие "Данииловых письмен" особенностям армянского языка, которое можно было заметить сразу. Как отмечает К.Н. Юзбашян, ясность в этот вопрос удалось внести видному специалисту по армянским рукописям А. Матевосяну. Он доказал, что имеющиеся рукописи труда Корюна восходят к дефектному манускрипту, в котором при переплетении произошло смещение листов. Поэтому на самом деле следует считать, что Маштоц, получив "Данииловы письмена" и обнаружив их ущербность, сам приступил к созданию армянского алфавита и только после его изобретения стал преподавать, получив спустя два года почетное звание вардапета (Матевосян 1990; цит. по: Юзбашян 2001: 138).

Намереваясь продолжить свои изыскания, Месроп Маштоц, сопровождаемый группой учеников, направился в Эдессу — один из крупных культурных центров и главных очагов сирийской образованности, известный своим епископским престолом и множеством монастырей. Там он встретил доброжелательный прием и поддержку. Оставив при себе часть учеников изучать сирийскую словесность и письменность, Маштоц послал остальных в центр греческой учености — Самосату для получения греческого образования. При содействии сведущих людей он начал свои поиски в прославленной Эдесской библиотеке. Здесь, используя различные источники, он изучил алфавиты разных языков, ознакомился с их структурой, принципами письма, после чего принялся за создание армянских букв.

Известно, что создание любого алфавита предполагает выполнение следующих основных задач: 1) установление звукового (фонемного) состава языка; 2) изобретение соответствующих графических знаков, отражающих в письме установленную систему фонем; 3) определение принципов построения самого алфавита (Туманян 1968: 445).

С этими непростыми, требующими творческих усилий, задачами Месропу Маштоцу удалось успешно справиться и создать настолько оригинальный алфавит, что лингвисты и палеографы до сих пор не могут придти к единому мнению о том, какие алфавиты служили для него первоначальной моделью (об этом см., напр.: *Маркварт* 1918: 43; *Ачарян* 1928: 177–277; *Абрамян* 1959; 1973; *Севак* 1962: 30–38; *Дирингер* 1963: 379; *Периханян* 1966: 111; *Туманян* 1968: 446–448; *Агаян* 1986: 85–95; *Юзбашян* 1987: 146).

Определив начертание письменных знаков, полностью соответствовавших фонетической системе армянского языка того времени, Маштоц, создавая свой алфавит, придерживался следующих основных принципов: 1) каждой букве должен соответствовать один звук, каждому звуку — одна буква; исключением стал только звук "у", состоящий, как и в греческом алфавите, из двух знаков; 2) было принято, по образцу греческого, горизонтальное письмо слева направо, в то время как большинство современных Маштоцу алфавитов придерживалось обратного направления; 3) отказ от загромождения алфавита характерными для большинства алфавитов того времени особыми знаками, которые ставились над, под или рядом с буквами с целью уточнения их произношения; 4) введено так называемое фонемное письмо, представлявшее единую звуковую систему армянского языка (Агаян 1982: 12).

Создав алфавит, Месроп Маштоц переехал из Эдессы в Самосату, где искусный греческий каллиграф Ропанос (Руфин) придал буквам законченный вид. Это историческое событие произошло, как считают исследователи, в 405 г.

Еще будучи в Сирии, Маштоц вместе с учениками приступил к переводу Священного Писания и начал с книги "Притчи Соломона". Первая, записанная армянскими письменами, строка из нее звучала знаменательно: "Познать мудрость и наставле-

ние, понять изречения разума" (Корюн 1962: 8). Этот перевод и искусная каллиграфическая запись Ропаноса должны были стать фактическим доказательством того, что возложенная на Месропа Маштоца миссия была им выполнена. С чувством удовлетворения, в сопровождении учеников Месроп возвратился на родину, где его ожидала торжественная встреча в присутствии царя Врамшапуха, католикоса Саака и многих нахараров.

После этого Маштоц и его ученики с увлечением отдались преподавательской и проповеднической деятельности. Они отправлялись в разные области Восточной Армении, где открывали школы, проповедовали христианство и распространяли

грамотность на родном языке.

Изобретенный Месропом Маштоцем алфавит из 36 букв (7 гласных и 29 согласных) был столь совершенен, что им пользуются почти без изменений в течение шестнадцати веков. Лишь со временем, в результате дальнейшего развития языка, в него на рубеже XII–XIII вв. были добавлены две буквы и позднее – еще одна, и сейчас армянский алфавит состоит из 39 букв. Как предполагают ученые, видимо, с самого начала были определены и цифровые значения армянских букв. Входящие в алфавит 36 букв составили четыре ряда по девять букв в каждом, при этом первый ряд обозначал единицы, второй – десятки, третий – сотни, четвертый – тысячи. При употреблении букв в роли цифр в тексте они отмечались специальными знаками – титлами, точками и др. Буквы отдельно могли обозначать цифры от 1 до 9999. Для выражения больших цифровых значений от десятков тысяч и выше и для удобства употреблялся знак в виде косой, направленной вправо, стрелки, увеличивающий значимость данной цифры на четыре порядка (Туманян 1971: 19; Юзбашян 1987: 155).

По сообщению Корюна, Маштоц впоследствии изобрел грузинский (из 38 букв) и албанский (из 52 букв) алфавиты, хотя с этим согласны не все исследователи Корюн пишет: "И принялся он составлять письмена иверского языка, согласно милости дарованной ему Богом. Начертил он [их], расположил и наладил, как надлежало, и, взяв с собою кое-кого из лучших учеников своих, пустился в путь и прибыл в края иверов. Тут он представился царю иверов по имени Бакур и епископу страны Мовсесу... И он [Маштоц], развернув перед ними свое искусство [письма], наставлял и увещевал их. И все они обязались исполнить желание его. И нашли одного переводчика иверского языка, мужа просвещенного и верующего, которого звали Джала. Затем царь иверов велел из разных областей и из разноплеменных гаваров своего владычества собрать детей и отдать вардапету [для обучения]" (Корюн 1962: 15).

Относительно албанской письменности Корюн пишет: "В это время приехал к нему некий иерей, родом агван, по имени Бениамин. Он [Маштоц] расспросил его, расследовал варварские слова агванского языка, затем своей обычной проницательностью, ниспосланной свыше, создал письмена и милостью Христа успешно взвесил, расставил и уточнил... И затем, после этого, он простился, чтобы отправиться в страну агванов. И поехал он в тот край, и прибыл в резиденцию царей, повидался со святым епископом агванским, которого звали по имени Иеремией, а также с их царем Арсвахом и всеми азатами. Все они именем Христа покорно приняли его. И когда они спросили его, он изложил им цель приезда своего. И они – оба равные – епископ и царь, согласились принять эту письменность и издали приказ привезти из разных гаваров и местностей владычества своего детей для обучения письменности, собрать их, распределить по группам в удобных и пристойных местах и назначить содержание на пропитание" (Корюн 1962: 16).

Корюн повествует, что, успешно выполнив и эту миссию, Маштоц распространил армянский алфавит среди армянского населения, проживавшего на исконной этнической территории на правобережье Куры в областях Арцах и Утик, отторгнутых Сасанидами от Армении и присоединенных ими позднее, в 428 г., к Албанскому цар-

ству, входившему в состав ранее учрежденного персами марзпанства Албания (Агванк). С тех пор эта территория оказалась политически оторванной от основной административной территории Восточной Армении (об этом см., напр.: Акопян 1987: 5–6; 273–274). Таким образом, в этнически пестром Агванке Маштоц распространил не одну, а две письменности: одну – для агван, другую – для армян. После этого по повелению царя и епископа в крае были открыты школы, при этом одни из них предназначались для детей агван, другие – для детей армян. То же самое имело место и в пограничных с Арменией областях Грузии, где жили армяне и где им был передан армянский алфавит (Мнацаканян 1969: 67–73).

После того как в Персидской Армении была повсеместно распространена письменность на родном языке, Маштоц, по словам Корюна, "стал заботиться и о другой половине армянского народа, находившейся под властью императора ромеев". Он отправился с некоторыми из учеников в Византийскую Армению в целях открытия и там школ и распространения грамотности на родном языке. Чтобы осуществить задуманное, Маштоц посетил Константинополь, где при встрече с императором Феодосием II и патриархом Аттикосом с большим трудом получил разрешение, согласно особому приказу "на скрепленных императорских грамотах", на открытие армянских школ (Корюн 1962: 16). В основанных им школах он собрал большое число учащихся и назначил учителями своих учеников.

После этого Маштоц возвратился в столицу, где вместе с католикосом Сааком и учениками продолжил заниматься литературной и переводческой деятельностью. Именно они, став в Армении первыми писателями, известны под именем "старших переводчиков". Первым опытом их литературного творчества, как уже отмечалось, стал перевод Священного Писания. Блестяще переведенная ими на армянский язык (с сирийского языка, а затем отредактированная по греческому образцу) Библия (по-армянски Аствацашунч – Дух, Душа Бога), явилась, по выражению французского филолога XVIII в. М. Лакроза, "царицей переводов", а ее язык, литературный язык V в., еще не затронутый влиянием греческого, стал называться "языком золотого века" (Саркисян 1990: 263, примеч. 727).

По словам Н.Я. Марра, "ничего подобного древнему армянскому переводу – если не считать зависящего от армянского оригинала перевода братского грузинского народа – не увидим мы у других христианских народов. Это перевод и одновременно роскошная сокровищница языческих пережитков армянского народа, бесценных армянских народных языческих пословиц, сверх меры наделяющих армянский перевод духом национальной самобытности" (Марр 1990: 26). Значение перевода состоит и в том, что он содержит множество терминов, связанных как с кровнородственными отношениями, но в данную эпоху изменившими или менявшими свое содержание, так и относящихся к социальной структуре общества, характеру земельной собственности, что дает обильный материал по самым различным вопросам истории Южного Кавказа, в первую очередь Армении и Кавказской Албании, древнейшие памятники по истории которой написаны на древнеармянском языке (Новосельцев 1976; 1980: 30).

Библия значительно расширила кругозор армян, познакомила их с культурой и обычаями других народов, с их социально-политическими и этическими воззрениями, способствовала проникновению в их жизнь новой системы нравственных ценностей, на Библии учились. По словам М. Абегяна, "она была одновременно и книгой для чтения, и книгой религиозного обучения" (Абегян 1975: 62).

Под влиянием Библии в V столетии в Армении распространялись духовные стихотворения. Месропу Маштоцу и Сааку Партеву приписывается авторство ряда духовных песен – кцурдов, т.е. своеобразных продолжений библейских псалмов и гимнов, названных позднее шараканами. Сам факт, что приходилось "дописывать" псалмы, придумывать к ним "довески" (кцурды), свидетельствует о сложном душевном мире

верующих, о том, что существующие религиозные песнопения были для них уже недостаточны (Мкрмчян 1983: 10).

По свидетельству Корюна, после изобретения армянских письмен Маштоц жил и творил еще 35 лет. Умер он 17 февраля 440 г. в Вагаршапате и был похоронен в с. Ошакан близ Аштарака, где его могила в склепе под алтарем построенной через три года князем Ваганом Аматуни церкви слывет в народе святыней под названием "могила Переводчика" и до сих пор служит местом паломничества армян. В том же селе уже в наши дни был поставлен единственный в своем роде памятник армянскому алфавиту.

Создание письменности имело чрезвычайно важное значение для сохранения этнокультурной самобытности армянского народа, потерявшего свою политическую независимость. Прежде всего этому способствовало открытие в обеих частях Армении национальных школ, в которых дети обучались на родном языке. Школы открывались преимущественно при монастырях. Наряду с ними имелись и школы иного, более высокого уровня, называвшиеся вардапетаранами. Особой славой пользовались вардапетараны Сюникский, Айраратский и Аршаруникский. В этих школах кроме языков и богословия преподавались также математика, грамматика, философия, риторика, поэтическое искусство. Многие из выпускников получали звание вардапета, дававшее им право преподавать и проповедовать, кертога (поэта и грамматика), философа и т.п.

Вслед за Месропом Маштоцем в V в. в Армении появляется целая плеяда историков (Корюн, Агафангел, Фавстос Бузанд, Егише, Лазар Парпеци) и философов (Езник Кохбаци, Давид Анахт и др.). Выдающимся ученым этого времени был "отец армянской историографии" Мовсес Хоренаци. Его "История Армении" содержит обширные и ценнейшие сведения по истории не только армянского народа с древнейших времен до середины V в., но и других народов, с которыми Армения поддерживала в те времена политические, экономические и культурные связи. Освоив лучшие традиции греческих, римских, сирийских историков, опираясь на богатый армянский народный эпос, крупнейшие представители культуры того времени создали оригинальные произведения, во многом определившие новый этап развития исторической мысли в эпоху раннего средневековья. Ценность их трудов, являющихся для нас первоисточниками, бесспорна, особенно если учесть, что указанное столетие одновременно совпало со временем полного упадка греко-римской и лишь начальных шагов византийской историографии (Саркисян 1990: VIII).

Со второй половины V в. в Армении начала процветать грекофильская переводческая школа, принципом которой была дословная передача греческого оригинала на армянском языке. К VII в. в армянской словесности были уже представлены переводы практически всех жанров христианской литературы, имевшейся к тому времени. Эти труды, переведенные в основном с греческого, имеют важную научную ценность, поскольку в ряде случаев оригиналы античных авторов позднее, при переписывании, подвергались нередко довольно существенным изменениям и не могли в точности соответствовать подлинным текстам. Более того, некоторые не дошедшие до нашего времени труды древних греческих, сирийских и других ученых стали достоянием мировой культуры только благодаря сохранившимся армянским переводам. Это, например, "Хроника" Евсевия Кесарийского, трактат "О природе" Зенона Стоика, труды Филона Александрийского, математический труд Авиценны "Китаб-е Неджаб" и др. По словам Н.Я. Марра, "благодаря армянским переводам спаслись утерянные было жемчужины христианской литературы. И даже больше. В века одичания Европы армянский народ своими переводами с греческого оказал общечеловеческой европейской цивилизации неоценимую услугу: он не только сберег памятники классической литературы, но и, являясь энергичным поборником грековедения, способствовал изучению этого языка на Западе и даже в самой Греции!" (Марр 1990: 30).

Исключительное значение деятельности переводчиков для развития национальной культуры было осознано уже в V в., когда переводчиков причислили к лику святых и учредили *Таркманчац тон* — Праздник Переводчика, который отмечали (и до сих пор отмечают) ежегодно в октябре как общенациональный праздник.

Несмотря на превратности судьбы, армянский народ сумел сохранить до наших дней бесценный клад – около 30 тыс. рукописей по истории, философии, теологии, праву, математике, естествознанию, астрономии, грамматике, музыке, медицине, алхимии. Из этого числа около 15 тыс. рукописей находятся в фондах одного из крупнейших мировых центров хранения рукописной культуры – Институте древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран) в Ереване. Остальные манускрипты, подобно самому армянскому народу, рассеяны по всему миру и хранятся в библиотеках и книгохранилищах Венеции, Вены, Иерусалима, Парижа, Лондона, Вашингтона, Алеппо, Бейрута, Калькутты, Москвы, Санкт-Петербурга, Тбилиси и других городов. Это лишь небольшая часть средневековых рукописей, созданных в V—XVIII вв., так как большинство их было уничтожено завоевателями. К числу древнейших из сохранившихся датированных рукописей относятся Евангелие царицы Млке (жена васпураканского царя Гагика I Арцруни), переписанное в 862 г., и Лазаревское Евангелие, переписанное в 887 г.

Армянские рукописи с самого начала их появления имели конструкцию и форму, близкие к современной печатной книге. Вначале их писали на пергамене, который изготовляли из овечьей и телячьей кожи, а примерно с X в. вошла в обиход и бумага, которая была намного дешевле пергамена, хотя и не так прочна и красива. Переплет рукописи имел деревянные створки, которые перетягивались кожей или реже тканью и застегивались от одного до трех поясков. Сам переплет украшали тисненым орнаментом, крестом, металлическими накладками, инкрустировали драгоценными или полудрагоценными камнями. Рукописи писали первоначально каламом – расщепленным тростником, а позднее – птичьим пером, на которое надевали специальные насадки, позволяющие долго не обмакивать его в чернила (Саркисян и др. 1998: 119). Рукописи чаще всего изготовляли на заказ. Заказчик сам выбирал текст для копирования. Примечательно, что акт заказа на переписку и иллюстрирование Священного Писания в средневековой Армении приравнивался к акту основания новой церкви или монастыря (Степанян 1989: 80).

У армянского народа рукописи всегда были предметом особого благоговейного почитания, поскольку служили своего рода символом этноконфессиональной принадлежности армянина, многие сотни лет находившегося в иноверной и, как правило, враждебной среде, когда страна находилась под властью сменявших друг друга Сасанидов, арабов, тюрок-сельджуков, монголов, турок-османов и других завоевателей. Рукописная книга имела столь важное значение для армян, что к ней относились как к живому существу. О ней говорили, что "ее взяли в плен", "арестовали", "похоронили в земле", случалось, ее даже "усыновляли" бездетные семьи, а затем специальным завещанием поручали попечительство о ней какому-нибудь монастырю или хранилищу.

"Пленение" рукописи считалось большим бедствием. Жители того поселения, которому принадлежала рукопись, попавшая в руки неприятеля, старались найти ее и выкупить. Истории целого ряда армянских рукописей полны драматизма. Одна из таких многострадальных рукописей называется "Избранные речи". Это огромная рукопись, весившая без переплета около двух пудов, была переписана в течение трех лет и закончена в 1204 г. в монастыре г. Муш Варданом Карнеци. Для изготовления ее 607 больших страниц пергамена потребовались шкуры около 600 телят. Известно, что владелец этой рукописи был убит, а сама она "попала в плен", после

чего армяне, собрав по городам и селам, монастырям и школам 4 тыс. монет (примерно 20 кг серебра), с немалыми трудностями нашли ее на чужбине, выкупили и возвратили в мушский монастырь, где ее бережно сохраняли, а при необходимости прятали на протяжении семи веков. В годы Первой мировой войны, в связи с угрозой уничтожения рукописи турками, ее спасли две армянские беженки из Муша. Сначала они по очереди несли на спине эту тяжелую ношу, а затем, выбившись из сил, разделили рукопись на две части и одну половину, завернув в тряпье, зарыли во дворе церкви в Эрзеруме, а другую с большим трудом донесли до Эчмиадзина. Спустя время вторую часть рукописи нашел и отдал в Матенадаран офицер русской армии, поляк.

Армянские средневековые рукописи не были анонимными. Характерной чертой, отличающей их от ряда других средневековых рукописных книг, в частности, византийских и русских, было наличие в них *humamaкapaнов* (колофонов), т.е. памятных записей, оставленных переписчиками о дате создания и судьбе данной рукописи, об имени ее переписчика, иллюстратора, владельца. Со второй половины XII в. эти записи становятся более пространными, в них автор нередко отражает также политические события своего времени, кратко описывает биографии заказчика и других лиц, связанных с созданием рукописи. Заканчиваются памятные записи обычно просьбой не забывать в молитвах переписчика, не портить книгу. В этих записях проявлялась и индивидуальность автора. В них он в свободной форме говорит об условиях своей жизни, обстоятельствах создания данной рукописи и ее судьбе. Нередко переписчик сообщает о тех событиях, очевидцем которых являлся, о войнах, нашествиях, социальных отношениях, стихийных бедствиях, иногда приводит местное предание, афоризм, нравоучение, анекдот, высказывает мнение о том, как относиться к книге, например: "А вы, настоятели и монахи обители Св. Киракоса, берегите книги! Во дни бегства и смуты перевозите книги в город и прячьте... Во время же мира доставьте их в монастырь и читайте, а не храните закрытыми, ибо закрытые книги суть идолы!" (цит. по: Саркисян и др. 1998: 121).

Памятные записи, составляющие своеобразный жанр средневековой историографии, рассматриваются учеными как важнейший источник по социально-экономической и политической истории средневековой Армении (*Хачикян* 1960).

Рукописные книги нередко украшались художественными иллюстрациями — миниатюрами. Это искусство достигло в средневековой Армении высокого развития и изучалось многими учеными. Наряду с уникальными памятниками армянской средневековой архитектуры оно вошло в сокровищницу мировой культуры.

Иллюстрировались преимущественно Евангелия, псалтыри, требники, праздничные минеи. Они украшались разного рода миниатюрами, заставками, орнаментами на полях, художественно выполненными начальными буквами, иногда и целыми строками. В композицию могли быть включены изображения, не связанные с содержанием данной рукописи, например, портреты заказчика или миниатюриста. Так, на полях Ахпатского Евангелия 1211 г., расписанного художником Маргаре, имеются изображение рыбака и приписка: "Шераник, всякий раз, приходя, приноси рыбу!". Наибольшей утонченности книжная рукопись достигает в Киликийском Армянском государстве (1080–1375), расцвет ее приходится на XIII в. Наиболее прославленным киликийским миниатюристом был Торос Рослин, работы которого отличаются необыкновенной тонкостью рисунка, яркостью красок, высоким мастерством.

Только в наше время стала очевидной и совершенно иная, бесценная для исследователя сущность этого искусства: миниатюры представляют богатейший историкоэтнографический источник для изучения культуры и быта тех далеких времен, поскольку они содержат конкретные изображения различных народных занятий, особенно ремесел, а также обрядов, праздников, танцев, театральных представлений, музыкальных инструментов, одежды и т.п. В миниатюрах щедро представлены изо-

бражения работ, связанных с созданием рукописей, в том числе применявшихся при этом инструментов и приспособлений – письменного стола, налоя, чернильницы, шкатулки для красок, разных видов перьев, перочинных ножей, линейки, циркуля, ножниц, переплетов рукописей и т.п. Есть даже изображение тростниковой ручки с шариком, содержавшим чернила – прототипом современных ручек. Писец Ованнес в своей памятной записи от 1435 г. сообщает: "Удостойте внимания меня, лжеписца, горожанина Ованнеса, о, люди, обучающиеся по святым книгам, ибо 900 букв [или слов] я написал, обмакнув один раз, и еще 20, 30 сверх того. Вардапеты свидетели тому!" (цит. по: Геворгян 1978: 19).

За рукописными книгами последовали печатные, первая из которых была набрана первопечатником Акопом Мегапартом в Венеции в 1512 г. Затем армянские типографии появились в Константинополе (1567), Риме (1584), Львове (1616), Милане (1624), Париже (1633), Ливорно (1643), Нор Джуге (1640), Амстердаме (1660), Смирне (1676), Лейпциге (1680), Лондоне (1736), Мадрасе (1774), Санкт-Петербурге (1780), Новом Нахичеване (1790), Астрахани (1795), а впоследствии и во многих других городах мира, где жили армяне.

Таким образом, изобретение Месропом Маштоцем алфавита и создание национальной словесности не просто имели для армянского народа огромное культурно-историческое значение, позволившее ему войти в семью древних просвещенных народов, но сыграли и другую, весьма существенную роль, когда в условиях политической раздробленности и навязываемой ассимиляции дали ему возможность сохранить этнокультурную идентичность и донести до наших дней свою многовековую культуру.

Примечание

¹ В частности, приведенные Корюном и повторенные Мовсесом Хоренаци (III, 54) свидетельства об изобретении Месропом Маштоцем древнегрузинского алфавита неоднократно в исторической литературе были предметом обсуждения специалистов. При этом одни ученые (преимущественно армянские) считали их достоверными, в частности Я.А. Манандян, когда писал, что историческая достоверность рассказа Корюна подтверждается тем, что как раз в начале V в. в Грузии царствовал упомянутый им Бакур, отец Петра Ивера, пользуясь содействием которого, а также благодаря помощи образованного грузина Джалы (его Хоренаци характеризует как "переводчика с греческого и армянского языков"), Маштоц распространил в Грузии письменность (Манандян 1941: 31). Другие ученые, в основном грузинские (И.А. Джавахишвили, Г.В. Церетели, А.Г. Шанидзе, К.С. Кекелидзе и др.) признавали эти сведения неточными или даже недостоверными, либо рассматривали их как позднейшую интерполяцию (при этом с одновременным указанием, что древнейшие грузинские тексты датируются именно V в. (см. об этом: История Грузии 1962: 88; Периханян 1966: 119–125; Джанашиа и др. 1987: 179; Арутюнов 1994: 95)).

В пользу версии Корюна может свидетельствовать и тот неопровержимый факт, что древнее грузинское, так называемое строчное "священническое" письмо асомпаврули и его последующая разновидность, характеризующаяся некоторым наклоном вправо, нусха-хуцури, имеет большое внешнее сходство с буквами армянского алфавита. На этот немаловажный факт обратил внимание Н.Я. Марр, когда в статье "Об единстве задач армяно-грузинской филологии" писал, что "грузинское церковное письмо, единственно употреблявшееся в Грузии книжниками до X–XI в., действительно проявляет чрезвычайную близость к армянскому алфавиту" (Марр 1995: 34). Он же считал, что древнейшим видом грузинской письменности, имевшим свой самостоятельный (по отношению к хуцури) путь развития, является мхедрули, как называлось "рыцарское", "светское" письмо (История Грузии 1962: 87, 89). Из этого вытекает, что хуцури, по мнению Н.Я. Марра, не было самостоятельным письмом и поэтому вполне могло быть внедрено Маштоцем, о чем недвусмысленно повествуют армянские историки V в. О связи древнегрузинского алфавита с армянским и о внешнем сходстве отдельных их букв писал и известный английский языковед Д. Дирингер (Дирингер 1963: 383).

Тот факт, что о таком значимом культурном событии в жизни любого народа, как появление собственной письменности, отсутствуют упоминания в грузинской исторической тради-

ции, А.Г. Периханян объясняла тем, что, по всей видимости, дошедшая до нас традиция восходит к сравнительно позднему времени, когда в результате наступившего в начале VII в. раскола Армянской и Грузинской церквей и последующего обострения отношений между ними на первый план выступили конфессиональные предпочтения, вследствие чего образец армяногрузинского культурного сотрудничества, который являла собой история взаимоотношений Маштоца и Джалы в создании грузинской письменности, выглядела в то время "достаточно одиозно" (Периханян 1966: 131, примеч. 38).

Впервые лишь историк XI в. Леонти Мровели зафиксировал древнее предание о заслуге картлийского царя Фарнаваза (рубеж IV-III вв. до н.э.) как "творца" грузинской письменности (устное сообщение Г.В. Цулая). Однако это была широко распространенная в тот период у народов Передней Азии арамейская письменность, так как известно, что арамейский язык на протяжении нескольких столетий был для них своего рода lingua franca. Он был распространен и в Армении, в связи с чем наиболее обоснованной в настоящее время представляется идея о генетической связи большинства букв армянского алфавита с одним из вариантов арамейского письма Северной Месопотамии (Периханян 1966: 111; Юзбашян 1987: 146). Это же подчеркнул в свое время и И.А. Джавахишвили, отметив, что древнее грузинское письмо своим происхождением обязано арамейской культурной среде; при этом за исходный момент развития грузинского письма он принимал ІХ в. до н.э. (Джавахишвили 1926, цит. по: Периханян 1966: 120-121). Однако факт культурного влияния арамейской письменности на армянское и грузинское письмо вовсе не противоречит возможности создания обоих алфавитов (армянского и грузинского) Маштоцем в начале V в. Поскольку оба алфавита, по всей видимости, имели эти общие истоки, влияние факта изобретения армянской письменности на возникновение грузинского письма не исключал и А.П. Новосельцев, отметивший, что древний грузинский алфавит возник, очевидно, приблизительно в одно время с армянским и что тогда же появилась и древнегрузинская литература (Новосельцев 1980: 31).

В свете этой дискуссии заслуживает внимания исследование П.М. Мурадяна, подчеркнувшего тот факт, что И.А. Джавахишвили, не принимая версию Корюна о создании Маштоцем грузинской письменности и рассматривая ее как позднейшую интерполяцию, в то же время отмечал, что "только в помещенном в "Книгу посланий" третьем письме католикоса армян Авраама, обращенном к картлийскому католикосу Кириону, ...отмечено, что христианство в двух же странах, в Армении и Грузии, вело свое начало из одного и того же источника, из тех лиц, которые и у нас и у вас положили начало общему богослужению: "сначала блаженный св. Григорий, а затем Маштоц, и знание письмен в непоколебимость веры". Значит, католикос Авраам утверждал, что Армения и Грузия имели общих проповедников, положивших основу богослужению и христианству: сначала блаженный св. Григорий, а затем и Маштоц, который учил искусству письма во имя прочности веры. Поскольку данное послание написано в 607 г. и не видно, что сведение о Маштоце впервые именно тут было выставлено, то должны заключить, что уже к концу VI в. Маштоц считался деятелем также Грузии и, возможно, Албании и создателем грузинского и албанского алфавитов" (Джавахишвили 1935: 182; Мурадян 1968: 42).

Как подчеркивает П.М. Мурадян, данный факт из третьего послания католикоса Авраама имеет "решающее значение, ибо какими бы критическими методами ни пользовались ученые сегодня, деятели конца VI и начала VII в. куда лучше были осведомлены о событиях начала V в. ... Значение и достоверность послания становятся неоспоримыми и тем обстоятельством, что армянские источники сохранили ответное и весьма резкое письмо – ответ католикоса Грузии Кириона на это послание, где католикос... ни одним словом не возражает против указанных Авраамом доводов" (Мурадян 1968: 42). Однако впоследствии данный текст третьего послания Авраама подвергся критике грузинского арменоведа З.Н. Алексидзе, исследование которого, в свою очередь, было критически и обстоятельно, с привлечением первоисточников, разобрано П.М. Мурадяном в той же работе (Там же: 43–63).

Сравнительно недавно Т.В. Гамкрелидзе, анализируя армянский и древнегрузинский (асомтаврули) алфавиты, высказал мнение, что оба этих алфавита составлены по образцу греческого письменного прототипа, однако графически они полностью отличаются от соответствующих знаков греческого письма, что как Месроп Маштоц, опиравшийся на греческую систему письма, полностью меняет графику системы-прототипа, порывая с ней всякую внешнюю связь, так и создатель древнегрузинской письменности осуществляет сознательную модификацию греческой системы-прототипа, преобразуя ее путем нарочитой архаизации и графической модификации соответствующих знаков. В результате в обоих случаях создается видимость полной независимости и оригинальности вновь созданного письма, т.е. в этом отношении ученый признает их сходство. Одновременно он отрицает роль Месропа Маштоца в создании древнегрузинской письменности, мотивируя это тем, что Маштоц якобы не знал грузинского языка (Гамкрелидзе 1989: 245, 250, 263, 289, 301–303 (на груз. и рус. яз.)). Однако доказать это сейчас или опровергнуть, как заметил К.Н. Юзбашян, не представляется возможным. В то же время надо учесть, что Маштоц был весьма образованным человеком, что он, как уже отмечалось, хорошо владел греческим, сирийским, персидским языками (без знания двух последних он не мог бы занимать должность в царской канцелярии), поэтому вполне можно допустить, что он мог знать и язык соседей-грузин. Конечно, сейчас трудно сказать, в какой степени он владел грузинским языком, но нам известно из сообщения Корюна, что большую помощь Маштоцу оказал просвещенный переводчик Джала. Да и зачем надо было, как остроумно заметил К.Н. Юзбашян, такому автору, как Корюн, "стремиться прославить своего учителя, сообщая о нем небылицы" (Юзбашян 2001:144).

Литература

Абегян 1975 – Абегян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975.

Абрамян 1959 – Абрамян А.Г. История армянского письма и письменности. Ереван, 1959 (на арм. яз.).

Абрамян 1973 – Абрамян А.Г. Армянское письмо и письменность. Ереван, 1973 (на арм. яз.).

Агаян 1982 — Агаян Эд.Б. Месроп Маштоц // Видные деятели армянской культуры (V— XVIII века). Ереван, 1982.

Агаян 1986 – Агаян Эд.Б. Месроп Маштоц. Ереван, 1986.

Акопян 1987 — Акопян А.А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987.

Арутюнов 1994— Арутюнов С.А. Языки народов Кавказа // Абдушелишвили М.Г., Арутюнов С.А., Калоев Б.А. Народы Кавказа. Антропология, лингвистика, хозяйство. М., 1994.

Ачарян 1928 – *Ачарян Гр*. Армянские письмена. Т. II. Вена, 1928 (на арм. яз.).

Бузанд 1953 – История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с др.-арм. и коммент. М.А. Геворгяна, вступ. ст. Л.С. Хачикяна. Ереван, 1953.

Гамкрелидзе 1989 — Гамкрелидзе Т.В. Алфавитное письмо и древнегрузинская письменность. Типология и происхождение алфавитных систем письма. Тбилиси, 1989 (на груз. и рус. яз.).

Геворгян 1978 — Геворгян А. Ремесла и быт в армянских миниатюрах. Ереван, 1978 (на арм., рус. и англ. яз.).

Джавахишвили 1926 – Джавахишвили И.А. Грузинская палеография. Тбилиси, 1926 (на груз. яз.).

Джавахишвили 1935 – Джавахишвили И.А. История древнеармянской письменности. Тб., 1935 (на груз. яз.).

Джанашиа и др. 1987 – Джанашиа Н.С., Мачавариани Е.М., Сургуладзе М.К. Грузинская рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Кн. 1. М., 1987.

Дирингер 1963 — Дирингер Д. Алфавит / Пер. с англ. И.М. Дунаевской, Г.А. Зографа, И.А. Перельмутера; общая ред., предисл. и примеч. И.М. Дьяконова. М., 1963.

История Грузии 1962 – История Грузии. Т. І. С древнейших времен до 60-х годов XIX века. Тбилиси, 1962.

Корюн 1962 – Корюн. Житие Маштоца / Пер. с др.-арм. Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Оганджаняна, коммент. Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1962.

Манандян 1941 – *Манандян Я.А.* Месроп Маштоц и борьба армянского народа за культурную самобытность. Ереван, 1941.

Маркварт 1918 — Маркварт Й. История армянских письмен и жизни Месропа Маштоца / Пер. с нем. Вена, 1918 (на арм. яз.).

Марр 1990 – Марр Н.Я. Армянская культура, ее корни и доисторические связи по данным языкознания / Пер. с арм. Н.А. Алексаняна. Ереван, 1990.

Марр 1995 – *Марр Н.Я.* Кавказский культурный мир и Армения. 2-е изд. Ереван, 1995.

Матевосян 1990 — *Матевосян А*. Перемещение одного листа в манускрипте "История вардапета Корюна". Вена, 1990 (на арм. яз.).

Мкртичян 1983 — Мкртичян Л. Поэты Армении (Древнейший период. Средние века) // От "Рождения Ваагна" до Паруйра Севака: Антологический сб. армянской лирики. В 2-х кн. / Пер. с арм., вступ. ст., сост. биограф. справки и примеч. Л. Мкртичяна. Кн. І. Ереван, 1983.

omorpaqui remor occopenie v = 0, 2000

Мнацаканян 1969 – Мнацаканян А.Ш. О литературе Кавказской Албании. Ереван, 1969.

Мурадян 1968 – Мурадян П.М. К критике текста III Послания католикоса Авраама // Вестн. обществ. наук АН Арм. ССР. 1968. № 10.

Налбандян 1985 – Налбандян В.С. Уроки армянской древности. Ереван, 1985.

Новосельцев 1976 — Новосельцев А.П. Древнеармянский перевод Библии как источник по истории народов Закавказья // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976.

Новосельцев 1980 — Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья. (Опыт сравнительно-исторического исследования). М., 1980.

Периханян 1966 – Периханян А.Г. К вопросу о происхождении армянской письменности // Переднеазиатский сб. № 2. М., 1966.

Саркисян 1990 — Саркисян Г.Х. Пер. с др.-арм., введ. и примеч. к кн.: Мовсес Хоренаци. История Армении. Ереван, 1990.

Саркисян и др. 1998 – Саркисян Г.Х., Худавердян К.С., Юзбашян К.Н. Потомки Хайка. Очерк истории и культуры Армении с древнейших времен до становления Третьей республики. Ереван, 1998.

Севак 1962 – Севак Г. Месроп Маштоц. Создание армянских письмен и словесности. Ереван, 1962.

Степанян 1989 — Степанян Н. Искусство Армении. Черты историко-художественного развития. М., 1989.

Сукиасян 1963 — Сукиасян А.Г. Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма. Ереван, 1963.

Туманян 1968 – *Туманян Э.Г.* Еще раз о Месропе Маштоце – создателе армянского алфавита // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. XXVII. Вып. 5. М., 1968.

Туманян 1971 – Туманян Э.Г. Древнеармянский язык. М., 1971.

Хачикян 1960 – Хачикян Л.С. Памятные записи армянских рукописей как исторический источник // XXV Междунар. конгресс востоковедов: Докл. делегации СССР. М., 1960. Отд. оттиск.

Хоренаци 1990 — Мовсес Хоренаци. История Армении / Пер. с др.-арм. яз., введ. и примеч. Г. Саркисяна. Ереван, 1990.

Юзбашян 1987 – *Юзбашян К.Н.* Армянские рукописи // Рукописная книга в культуре народов Востока: Очерки. Кн. 1. М., 1987.

Юзбашян 2001 – *Юзбашян К.Н.* Армянская эпопея V века. От Аварайрской битвы к соглашению в Нуарсаке. М., 2001.

Special Section of the Issue: Elites and Alphabets (guest editor: S.V. Sokolovski)

This issue's special section is a discussion of controversial issues emerging at the intersection of language planning, politics, writing systems, and alphabets. The primary focus of the discussion is the recent project of reforming the writing system in Tatarstan, which has become the target of heated political debates pulling in representatives from the entire range of parties and movements of the Russian political establishment. Among the themes voiced in the course of the debates have been a number of ideas that require further attention and elaboration both in scholarly and legal terms. The essays presented in this section probe some of these ideas and widely reflect on various (historical, legal, linguistic, economic, educational) aspects of writing reforms that took place in different epochs in different societies.

A contrasting side of language planning, not aimed directly at a writing system reform, is analyzed in the article by W. Fierman. This article examines efforts directed towards Reverse Language Shift (RLS) for the Kazakh language since the mid-1980s in Kazakhstan. The author maintains that, counter to the optimal course for RLS prescribed by J. Fishman, Kazakh language planners both in government and the Kazakh Language Society largely ignored promoting language in the home. Despite this, based on extensive on-site observation and press accounts, the author concludes that Kazakh RLS efforts are likely to succeed. The most important factors that favor Kazakh's improved status include Kazakhstan's independence and the policies of the country's leadership, as well as demographic trends, Kazakhstan's economic potential, and the preservation of a strong Kazakh linguistic base during the Soviet era in rural areas.

The section concludes with the essay by A. Ter-Sarkisianz, which is a reassessment of the importance of creation of the Armenian alphabet by Mesrop Mashtots 1600 years ago. The author traces the course of historical events in that epoch, when the Armenian people was torn by the struggle between the Byzantine Empire and the Sasanid Iran, and argues that the creation of the alphabet played a very important role in consolidating the sense of common identity of the people in what was an extremely complex social, political, and cultural context.